

КНИГА
УТРАЧЕННЫХ
СКАЗАНИЙ

ЧАСТЬ II

ДЖОН Р.Р. ТОЛКИН

УДК 821.111-1
ББК 84 (4Вел)-5
Т52

John R.R. Tolkien
THE BOOK OF LOST TALES II
(TITLE 2)

*Originally published in the English language by HarperCollins Publishers Ltd. under the title
The History of Middle Earth
The Book of Lost Tales Part Two*

Перевод с английского неформального творческого объединения ТТТ
(TolkienTextsTranslation)

Под общей редакцией *Светланы Таскаевой*
Дизайн обложки *В. Воронина*

Печатается с разрешения издательства HarperCollins Publishers Limited
и литературного агентства Andrew Nurnberg.

Толкин, Джон Рональд Руэл.

Т52 Книга утраченных сказаний. Часть II / Джон Рональд Руэл Толкин ;
[перевод с английского]. — Москва: Издательство АСТ, 2020. — 400 с.

ISBN 978-5-17-109051-7

«Книга Утраченных Сказаний» — первое серьезное художественное произведение Джона Р.Р. Толкина, начатое им в 1916–1917 годах, когда автору было двадцать пять лет, и оставленное незавершенным несколькими годами позже. «Утраченные Сказания» — прообраз тех мифов и легенд, что впоследствии будут названы «Сильмариллионом». «Сказания», в которых чувствуется несомненное влияние английских легенд, обрамлены историей о предпринятом мореходом Эриолом грандиозном путешествии через океан на запад, к берегам Тол Эрэссэа, Одинокого Острова, где обитают эльфы. Здесь отважный Эриол узнает истинную историю волшебного народа — Утраченные Сказания Эльфинесса.

УДК 821.111(73)-1
ББК 84 (7Coe)-5

- © The Tolkien Estate Limited and C R Tolkien, 1983
- © С. Таскаева, общая редакция, перевод предисловия, II, V глав, 2002;
- © С. Лихачева, перевод I главы, 2002;
- © А. Хромова, перевод III главы, 2002;
- © Е. Тихомирова, перевод IV главы, 2002;
- © М. Крайнов, перевод V главы, 2002;
- © Б. Гаршин, перевод VI главы («История Эриола»), 2002;
- © В. Свиридов, перевод VI главы («История Эриола»), 2002;
- © А. Каркошка, перевод VI главы («Эльфине из Англии»), 2002;
- © А. Дубинина, перевод приложения, стихов в V главе, 2002;
- © Н. Долгова, перевод стихов в VI главе, 2002;
- © Н. Антонова, перевод указателя, 2002;
- © ТТТ, перевод произведения в целом, 2002;
- © Издание на русском языке AST Publishers, 2020

СОДЕРЖАНИЕ

	<i>Стр.</i>
Предисловие	I
<i>Перевод — С. Таскаева</i>	
I СКАЗАНИЕ О ТИНУВИЭЛЬ (THE TALE OF TINÚVIEL)	3
Примечания и комментарии	48
<i>Перевод — С. Лихачева</i>	
II ТУРАМБАР И ФОАЛОКЭ (TURAMBAR AND THE FOALÓKĚ)	69
Примечания и комментарии	116
<i>Перевод — С. Таскаева</i>	
III ПАДЕНИЕ ГОНДОЛИНА (THE FALL OF GONDOLIN)	144
Примечания и комментарии	197
<i>Перевод — А. Хромова</i>	
IV НАУГЛАФРИНГ (THE NAUGLAFRING)	221
Примечания и комментарии	242
<i>Перевод — Е. Тихомирова</i>	
V СКАЗАНИЕ ОБ ЭАРЭНДЭЛЕ (THE TALE OF EÄRENDEL)	252
<i>Перевод — М. Крайнов, С. Таскаева</i>	
VI ИСТОРИЯ ЭРИОЛА, ИЛИ ЭЛЬФВИНЕ, И ОКОНЧАНИЕ СКАЗАНИЙ (THE HISTORY OF ERIOL OR ÆLFWINE AND THE END OF THE TALES)	278
Эльфвине из Англии (Ælfwine of England)	312
Примечания	328
<i>Перевод — Б. Гаршин, А. Каркошка, В. Свиридов</i>	
Приложение. Имена в «Книге утраченных сказаний, часть II»	335
<i>Перевод — А. Дубинина</i>	
Указатель	353
<i>Перевод — Н. Антонова</i>	

ПРЕДИСЛОВИЕ

Публикация второй части *Книги Утраченных Сказаний* осуществляется в русле той же доктрины и согласно тем же принципам, которые были использованы при публикации первой части: они описаны в Предисловии к первой части, на с. 10—11. Отсылки к содержанию первой части имеют вид «I. 240», к содержанию второй — «с. 240», за исключением тех случаев, когда ссылка относится к обеим частям, к примеру, «I. 222, II. 292».

Как и в первом томе, я придерживаюсь последовательной (хотя и не обязательно «точной») системы простановки диакритических знаков ударения: несмотря на то, что во всей рукописи мы находим, к примеру, *Mim, Niniel*, я даю *Mím, Níniel*.

С разрешения Бодлеянской библиотеки (Оксфорда) воспроизводятся две страницы рукописей: я хотел бы выразить благодарность сотрудникам Отдела западных рукописей за содействие. Воспроизведенные страницы рукописи соотносятся с печатным текстом следующим образом:

(1) Страница из рукописи *Сказания о Тинувилье*: текст верхней части см. на с. 24—25 (начиная со слов «сильнейший ужас» и заканчивая «подкрадывается к тебе»), текст нижней части см. на с. 25—26 (начиная со слов «резкий голос» и заканчивая «Тэвильдо зарычал»).

(2) Страница из рукописи *Падения Гондолина*: текст верхней части см. на с. 189 (начиная со слов «И потому сказал Галдор...» и заканчивая «раненые доберутся»), текст нижней части см. на с. 189—190 (начиная со слов «Но остальные, ведомые неким Лэголасом Зеленым Листом» и заканчивая «велев прочим догонять»).

Относительно отличий напечатанного текста *Падения Гондолина* от рукописи см. с. 201, примечания 34—36, а также с. 203, *Бад Утвэн*; другие мелкие изменения, не упомянутые в комментариях, внесены в печатный текст согласно позднейшим поправкам версии «В» данного сказания (см. с. 146—147).

Воспроизведенные страницы рукописи иллюстрируют сказанное в Предисловии к Части I (I. 10) относительно запутанной текстовой ситуации *Утраченных Сказаний*.

Я пользуюсь случаем заметить, что, как указал мне Дуглас А. Андерсон, вариант стихотворения «Почему Человек-с-Луны спустился вниз так быстро», напечатанный в *Книге Утраченных Сказаний I*, не является (как я полагал) той самой версией, что опубликована в *Нортен Венчере* (*A Northern Venture*) в 1923 году, но содержит некоторые более поздние исправления.

В третий том «Историй» будут включены аллитерационная поэма *Лэ о Детях Хурина* (над которой отец работал в 1918—1925 годах) и *Лэ о Лэйтиан* (1925—1931 гг.) с комментариями К. С. Льюиса, а также с переработанным вариантом этой поэмы, начатым отцом после окончания *Властелина Колец*.

I

СКАЗАНИЕ О ТИНУВИЭЛЬ

Сказание о Тинувизель было написано в 1917 году, однако самая ранняя из сохранившихся версий относится к более позднему периоду и представляет собою рукопись, записанную чернилами поверх стертого карандашного текста; видимо, переработка этого предания является одним из последних завершённых отцом эпизодов *Утраченных Сказаний* (см. I. 203—204).

Существует еще и отпечатанный на машинке текст *Сказания о Тинувизель*, созданный позже, нежели рукопись, но относящийся к той же «фазе» мифологии: отец, держа перед глазами рукопись, последовательно вносил в текст поправки. Значительные расхождения между двумя версиями повести приведены на с. 41—48.

В рукописи сказание озаглавлено «Связующее звено к Сказанию о Тинувизель, а также и Сказание о Тинувизель». *Связующее звено* начинается следующим абзацем:

— Велика была во зле мощь Мэлько, — сказал Эриол, — если воистину сумел он разрушить коварством своим счастье и славу богов и эльфов, затмив свет их жилища и погубив всю любовь их! Верно, сие должно быть худшим из деяний, что когда-либо вершил он.

— Воистину, зло большее никогда не творилось в Валиноре, — молвил Линдо, — но длань Мэлько в мире вершила и худшее, и семена зла с тех дней взошли и дали поросль великую и ужасную.

— Нет, — сказал Эриол, — все же не может сердце мое скорбеть об ином, кроме как о разрушении тех прекрасных Древ и тьме мира.

Этот отрывок был вычеркнут, и в машинописном тексте он отсутствует, но возникает вновь в почти неизменном виде в последней части *Бегства Нолдоли* (I. 169). Причиной к тому послужило решение отца поместить *Сказание о Солнце и Луне*, а не *Тинувизель*, после глав *Затмение Валинора* и *Бегство Нолдоли* (см. I. 203—204, где обсуждается сложный вопрос реорганизации *Сказаний* на данном этапе). Следующая часть *Связующего звена* открывается словами: «И вот, спустя несколько дней после того, как рассказано было это предание», — которые в момент написания относились к сказанию *Затмение Валинора* и *Бегству Нолдоли*; но не существует ясных указаний на то, к какой повести их следует относить после того, как *Тинувизель* переместили на новое место.

Две версии *Связующего звена* в первой своей части очень близки, но расходятся с того момента, когда Эриол начинает рассказывать о своем прошлом. Первую часть я привожу только по машинописному варианту; там, где тексты расходятся, я последовательно привожу обе. Все комментарии касательно

истории жизни Эриола отложены до Главы VI.

И вот, спустя несколько дней после того, как рассказано было это предание, глядь! — зима приблизилась к Тол Эрэссэа, Эриол же, позабыв ныне о жажде странствий, уже некоторое время жил в древнем Кортирионе. На протяжении всех этих месяцев он не заходил далее возделанных земель, что раскинулись за пределами серых городских стен; однако охотно гостил во многих домах народа Инвир и тэлэри; и стал он еще более искушен в наречиях эльфов и еще глубже постиг их обычаи, предания и песни.

Потом на Одинокый Остров внезапно пришла зима, и сады и лужайки оделись в сверкающую мантию белых снегов; фонтаны умолкли, тишина воцарилась среди облетевших деревьев, и бледные лучи далекого солнца мерцали в тумане, либо дробились о грани ледяных гирлянд. И даже тогда не ушел Эриол, но смотрел, как холодная луна глядит с морозных небес на Мар Ванва Тьялизва; когда же над крышами сияли синие звезды, он все прислушивался, однако более не слышал звуков свирелей Тимпинэна; ибо дух этот — дыхание лета, и, едва в воздухе начинает ощущаться незримое присутствие осени, он усаживается в свою серебристую волшебную ладью, и ласточки увозят его далеко прочь.

И все же Эриол знал смех и веселье, музыку и песни в домах Кортириона — тот самый скиталец Эриол, душа которого прежде покоя не ведала. И вот наступил как-то пасмурный день, и сумеречный вечер, но в доме горел огонь, было тепло и уютно, там танцевали, и слышался шум веселых детских голосов, ибо Эриол затеял славную игру с отроками и девицами в Зале Вновь Обретенной Игры. Наконец, утомленные весельем, дети расселись на ковриках у очага, и одно дитя среди прочих, дева немногих лет, молвила:

— Расскажи мне историю, о Эриол!

— Что же рассказать тебе, о Вэаннэ? — спросил он, и та, вскарабкавшись ему на колени, проговорила:

— Поведай о людях и детях Великих Земель или о доме твоём — был ли у тебя сад, такой, как у нас, чтобы цвели там маки и анютины глазки вроде тех, что растут в моем уголке близ Беседки Дроздов?

Далее я привожу рукописную версию оставшейся части *Связующего звена*:

Тогда Эриол поведал ей о своем доме, что находился в древнем городе людей, обнесенном стеною, что ныне осыпалась и обратилась в развалины; там протекала река, над которой нависал замок с

высокой башней.

— Весьма велика была башня, — говорил Эриол, — и высоко приходилось карабкаться луне, чтобы подняться над нею.

— Выходит, сравнялась бы она и с Тирином Ингиля? — спросила Вэаннэ, но Эриол отвечал, что не знает, ибо слишком много лет прошло с тех пор, как он видел этот замок и башню в последний раз.

— О Вэаннэ, — молвил он, — я жил там очень недолго, пока не подрос. Отец мой был родом с побережья, и любовь к морю, которого я никогда не видел, вошла в мою плоть и кровь, и отец мой распаял мою тоску, рассказывая мне многое из того, что его отец поведал ему встарь. И вот мать моя зачахла от голода во время жестокой осады этого древнего города, а отца моего убили у стен в яростном сражении, и в конце концов я, Эриол, бежал к побережью Западного Моря, и домом моим с тех самых пор стала водная гладь или берег у кромки волн.

Тогда дети преисполнились скорби при мысли о горестях, выпавших на долю обитателей Великих Земель, и при мысли о войне и смерти, и Вэаннэ прижалась к Эриолу, говоря:

— О Мэлинон, никогда не ходи на войну — или уже бывал ты там?

— И достаточно часто, — отвечал Эриол, — но не на великих войнах, кровопролитных и безжалостных, что ведут земные короли и могущественные народы; в них гибнут цветущие земли и прекрасные творения рук, и даже женщины и милые девы, такие, как ты, Вэаннэ Мэлинир; нет — славные схватки доводилось мне видеть, где сходятся небольшие отряды смельчаков и обмениваются ловкими ударами. Но се! К чему говорим мы о подобных вещах, маленькая? Может быть, ты с большею охотой послушала бы о моих первых морских странствиях?

С превеликим удовольствием согласились на это дети, и Эриол поведал им о своих скитаниях у западных гаваней, об обретенных друзьях и об известных ему портах; о том, как потерпел он крушение на далеких западных островах; о том, как на одном пустынном острове набрел он на старого мореплавателя, который предоставил ему приют и у огня в заброшенной своей хижине поведал ему немало дивного о том, что есть за пределами Западных Морей, о Волшебных Островах и о самом одиноком из островов, что лежит еще дальше. Как-то раз, давно, довелось ему заприметить вдалеке его сияние, после же не один день искал он его, но напрасно.

— С тех пор, — молвил Эриол, — одержим еще большим любопытством, я плывал к западным островам, стремясь услышать еще немало подобных рассказов; вот так случилось, что после многих и долгих скитаний я и сам, по милости богов, добрался в конце концов до Тол Эрэссэа — где и нахожусь сейчас, беседуя с тобою, Вэаннэ, — до тех пор, пока слова не иссякнут у меня на устах.

Тогда один из отроков, Аусир, потребовал у Эриола новых рассказов о море и кораблях, но Эриол отвечал:

— Нет — однако еще есть время до того, как Ильфиниол зазвонит

в гонг, призывая к вечерней трапезе; пусть же кто-нибудь из вас, дети, расскажет мне повесть, что доводилось ему слышать!

Тогда выпрямилась Вэаннэ и захопала в ладоши, восклицая:

— Я расскажу тебе Сказание о Тинувиэль!

Вот что представляет собою машинописная версия этого отрывка:

Тогда Эриол рассказал о доме своем, где жил давным-давно, в древнем городе людей, обнесенном стеною, что к тому времени осыпалась и превратилась в развалины; ибо народ, живущий там, издавна благоденствовал в безмятежном покое и мире. Рядом протекала река, над которой нависал замок с высокой башней.

— Там жил могучий князь, — говорил Эриол, — и, даже гляди он с самого высокого парапета, не удалось бы ему рассмотреть границ своих обширных владений; только далеко на востоке вырисовывались очертания огромных синих гор, — однако башня эта почиталась великолепнейшей в земле людей.

— Сравнилась бы она с Тирином Ингиля? — молвила Вэаннэ, и ответил Эриол:

— Воистину башня эта была весьма велика, и высоко приходилось карабкаться луне, прежде чем подняться над нею; однако сколь именно велика, ныне я сказать не могу, о Вэаннэ, ибо немало лет прошло с тех пор, как в последний раз видел я замок тот с его отвесно вздымавшейся башней. Внезапно на город обрушилась война, растревожив дремотный покой, и обвалившиеся стены не смогли сдержать натиск диких людей с Восточных Гор. Там во время жестокой осады от голода зачахла моя мать, а отец мой, отчаянно сражавшийся у стен, был убит, когда в город вступили враги. В те далекие дни я еще не дорос до того, чтобы участвовать в битвах, и меня сделали рабом.

Узнайте же, что отец мой родом был с побережья и только позже переселился в тот город, и тоска по морю, которого не видел я никогда, вошла в мою плоть и кровь, а отец ее изрядно усиливал, повествуя о бескрайних водных просторах и вспоминая древнее знание, что сам встарь перенял от своего отца. Нет нужды рассказывать о тяжелой жизни моей в рабстве, что выпала мне на долю, но в конце концов я сбросил оковы и добрался до побережья Западного Моря, и с тех пор домом мне стала водная гладь или же земля у кромки волн.

Услышав о страданиях, что выпали на долю обитателей Великих Земель, о войнах и смерти, дети преисполнились скорби, и Вэаннэ прижалась к Эриолу, говоря:

— О Мэлинон, никогда не ходи на войну — или уже бывал ты там?

— И достаточно часто, — отвечал Эриол, — но не на великих войнах, кровопролитных и безжалостных, кои ведут земные короли и могущественные народы, в которых гибнет вся красота земная и все дивные творения рук человеческих, создаваемые в дни мира; нет же — они не щадят даже милых женщин и нежных дев, таких, как ты, Вэаннэ Мэлинир, ибо тогда мужи опьянены яростью и жаждой крови

и в мире торжествует Мэлько. Нет, славные схватки доводилось мне видеть, где сходятся отважные воины и обмениваются ловкими ударами, доказывая силу и мужество, — но се! Для чего говорим мы о подобных вещах, маленькая? Не с большею ли охотой послушала бы ты о моих морских странствиях?

С превеликим удовольствием согласились на это дети, и Эриол рассказал им о первых своих странствиях у западных гаваней, об обретенных друзьях и об известных ему портах; о том, как однажды потерпел он крушение у далеких западных островов, и там, на одиноком островке, обнаружил старого морехода, что жил на берегу один, в хижине, каковую соорудил из древесины своей лады.

— В жизни не доводилось мне встречать собеседника более умудренного во всем, что касается моря, — сказал Эриол, — а в сокровенном знании старика было немало от ведовства. Много дивного рассказывал он мне о краях далеко за пределами Западного Моря, о Волшебных Островах и о самом одиноком из островов, что лежит еще дальше. Как-то раз, давно, довелось ему заприметить вдалеке его сияние, и после того не один день искал он его, но напрасно. Немало всего поведал он мне о потаенных морях, о темных и пустынных водах: без него никогда бы не отыскал я прекраснейшую эту землю и чудесный этот город, и Домик Утраченной Игры, — однако не без долгих и горестных поисков и многих утомительных странствий добрался я, наконец, по милости богов, до Тол Эрэссэа, где и пребываю ныне, беседа с тобой, Вэаннэ, — пока слова не иссякнут на устах.

Тогда, однако, один из отроков, Аусир, потребовал новых рассказов о море и кораблях, говоря:

— Ибо разве не знаешь ты, Эриол, что тот старый мореход на пустынном побережье был не кто иной, как сам Ульмо; нередко является он в подобном обличи тем мореплавателям, коих возлюбил он — однако у того, кто беседовал с Ульмо, уж верно, найдется не один рассказ, который не наскучит даже обитателям Кортириона.

Но Эриол в ту пору не поверил словам Аусира и молвил:

— Нет, уплатите мне долг, прежде чем Ильфрин ударит в гонг, призывая к вечерней трапезе; пусть кто-нибудь из вас расскажет мне повесть, что доводилось ему слышать.

Тогда Вэаннэ выпрямилась и захлопала в ладоши, восклицая:

— Я расскажу тебе Сказание о Тинувизэль!

Сказание о Тинувизэль

Далее приводится текст *Сказания о Тинувизэль* так, как он представлен в рукописи. *Связующее звено* никак не обозначено и не отделено от самой повести, и Вэаннэ не предвзряет ее никаким формальным вступлением.

— Кто же такая Тинувиэль? — спросил Эриол.

— Или не знаешь ты? — воскликнул Аусир. — Тинувиэль была дочерью Тинвэ Линто.

— Тинвэлинта, — поправила Вэаннэ, но отозвался тот:

— Это все едино, однако эльфы сего дома, которым мило это предание, говорят не иначе как Тинвэ Линто, хотя Вайрэ обмолвилась как-то, что истинное его имя — просто Тинвэ; так звался он до того, как заплутал в лесу.

— Тише, Аусир, — молвила Вэаннэ, — ибо моя это повесть, и сама я хочу рассказать ее Эриолу. Разве не видела я однажды своими глазами Гвэндэлинг и Тинувиэль, странствуя Путем Снов в далеком прошлом?¹

— Какова же была обликом королева Вэндэлин (ибо так зовут ее эльфы)², о Вэаннэ, если видела ты ее? — спросил Аусир.

— Хрупкой и темноволосой была она, — отвечала Вэаннэ, — бледна и светла лицом, но ярко сияли бездонные глаза ее, и прекрасные, зыбкие, как туман, одежды — черные, расшитые сверкающим агатом и украшенные серебряным поясом, облекали ее стан. Когда пела она либо кружилась в танце, сон и забытие нисходили на вас, одурманивая разум. Воистину, была она духом, что покинул сады Лоризна еще до постройки Кора; бродила она в лесах мира, и соловьи следовали за нею, и слагали о ней свои песни. Песнь этих птиц достигла вдруг слуха Тинвэлинта, вождя племени эльдар, что впоследствии стали флейтистами побережья, солосимпи, когда следовал он со своими спутниками за конем Оромэ из Палисора. Илуватар вложил в сердца этого народа зерно музыки: так говорит Вайрэ, а она — одна из них; и после расцвело оно дивным цветом; тогда же показалось Тинвэлинту, внимавшему соловьям Гвэндэлинг, что доселе не слышал он музыки более чарующей; и на миг — как подумалось ему — свернул он в сторону от отряда, стремясь отыскать во мраке дерев источник чудных мелодий.

И говорят, что не на миг застыл он, заслушавшись, но на многие годы, и тщетно искали короля его подданные, и, наконец, последовали за Оромэ, и увезены были на Тол Эрэссэа далеко прочь, и более не видал их Тинвэлинт. Однако спустя недолгое время, как показалось Тинвэлинту, он отыскал Гвэндэлинг — она покоилась на ложе из листьев, глядя на звезды над головою и внимая птицам. Неслышно приблизившись, Тинвэлинт склонился над нею и взглянул на нее, и подумал: «Вот передо мною создание более дивное, нежели прекраснейшие из моего народа», — ибо Гвэндэлинг воистину не принадлежала ни к эльфам, ни к смертным, но к детям богов; и Тинвэлинт склонился ниже, дабы коснуться локона ее волос, и под ногою его хрустнула ветка. Тогда вскочила Гвэндэлинг и с тихим смехом исчезла вдали; порою издалека доносилась ее песнь, порою кружилась она в танце

прямо перед ним, пока забытье благоуханных снов не овладело Тинвэлинтом, — и опустился он на землю, и надолго уснул.

Когда же пробудился Тинвэлинт, более не вспоминал он о своем народе (и воистину, то было бы напрасно, ибо подданные его давным-давно достигли Валинора), но мечтал только о том, чтобы увидеть вновь госпожу сумерек, она же была неподалеку, ибо осталась подле Тинвэлинта, храня его сон. Ничего более о них не знаю я, о Эриол, кроме одного только: в итоге стала она его женою, ибо Тинвэлинт и Гвэндэлинг долго, очень долго оставались Королем и Королевой Утраченных Эльфов Артанора или Запредельной Земли, — по крайней мере, так сказано здесь.

Много-много лет спустя, как ты знаешь, Мэлько вернулся в мир, бежав из Валинора, и все эльдар — те, что остались во тьме или сбились с пути во время похода от Палисора, а также и те нолдоли, что последовали в мир за ним, стремясь отвоевать утраченное сокровище, стали рабами под его властью. Однако говорится, что многие бежали и скитались в лесах и пустошах, из них же немало диких племен, обитавших в лесных дебрях, объединились под владычеством Тинвэлинта. Самыми многочисленными из них были илькоринди — или, иначе, эльдар, никогда не видевшие Валинора и Двух Древ и не жившие на холме Кор, — существа непостижимые и странные; немногое ведомо им было о свете и красоте, и о музыке, разве что песни тьмы и обрывки колдовских заклинаний, что затихали в лесных чащах или эхом отзывались под сводами глубоких пещер. Иными стали они, когда взшло Солнце, однако еще до того к ним присоединились многие странствующие гномы, немало было среди них и своевольных духов из народа Лориэна, что остались при дворе Тинвэлинта; будучи свитою Гвэндэлинг, они не принадлежали к роду эльдалиэ.

Во времена Солнечного Света и Лунного Сияния Тинвэлинт все еще правил в Артаноре, и ни он, ни большинство его подданных не приняли участия в Битве Бессчетных Слез, хотя в этом предании речь о ней не идет. Однако же после ужасного разгрома власть Тинвэлинта весьма умножилась, ибо те, кому удалось спастись, бежали под его защиту. Волшебство фэй Гвэндэлинг скрывало его обитель от мысли и взора Мэлько; она соткала завесу чар над лесными тропами, чтобы никто не мог пройти по ним беспрепятственно, помимо одних только эльдар; так король оказался защищен от любой опасности, кроме разве предательства. Чертоги его находились в просторной и глубокой пещере, однако то была обитель, поражающая красотой и достойная короля. Пещера эта скрывалась в самой глубине Артанора, крупнейшего из лесов, и река протекала у ее врат, так что никто не мог вступить под своды дворца, иначе как

перебравшись через реку. Берега соединял узкий мост, который бдительно охранялся. В те места не было доступа злу, хотя Железные Горы находились не так уж далеко, а за ними лежал край Хисиломэ, где жили люди, и трудились рабы-нолдоли, и скитались немногие свободные эльдар.

Теперь же я поведаю вам о том, что случилось в чертогах Тинвэлинта, — хотя и после того, как возшло Солнце, но задолго до незабываемой Битвы Бессчетных Слез. Тогда Мэлько не исполнил еще всех своих замыслов и не явил в полной мере мощь свою и жестокость.

Двое детей было у Тинвэлинта, Дайрон и Тинувиэль, Тинувиэль же затмевала красотой всех прочих дев из числа сокрытых эльфов; воистину, немногие из живущих могли сравниться с ней прелестью, ибо мать ее была фэй, дочь богов. А Дайрон был в ту пору сильным и веселым отроком, и более всего на свете любил играть на свирели из тростника либо других инструментах — дарах лесного края; ныне же причисляют его к трем эльфийским музыкантам, чья колдовская власть не имела себе равных; другие же двое — Тинфанг Трель и Иварэ, слагающий напевы у моря. Тинувиэль же находила отраду в танце, и некого сравнить с нею — столь прекрасна и изящна была ее легкая поступь.

Дайрону и Тинувиэль нравилось уходить далеко от пещерного дворца Тинвэлинта, отца их, и вместе проводить долгие часы среди деревьев. Часто Дайрон, усевшись на кочку или древесный корень, слагал мелодию, Тинувиэль же кружилась в танце в лад его напевам, и, когда танцевала она под музыку Дайрона, казалась она более легкой и гибкой, нежели Гвэндэлинг, и более волшебства было в ней, нежели в Тинфанге Треле под луной; столь стремительной и радостной пляски не видывали нигде, кроме как в розовых куцах Валинора, где Нэсса танцует на увядающих зеленых полянах.

Даже по ночам, когда луна сияла бледным светом, они играли и танцевали, не ведая страха, что испытала бы я, ибо власть Тинвэлинта и Гвэндэлинг ограждала леса от зла, и Мэлько до поры не тревожил их, а от людей тот край отделяли холмы.

Больше всего Дайрон и Тинувиэль любили тенистый лесной уголок, где росли вязы, и буки тоже, но не слишком высокие, и несколько каштанов с белыми цветами, почва же была влажной, и густые заросли болиголова в туманной дымке поднимались под деревьями. Как-то раз в июне дети Тинвэлинта играли там, и белые соцветия болиголова казались облаком вокруг стволов деревьев, и Тинувиэль танцевала, пока, наконец, не угас летний вечер. Тогда запорхали белые мотыльки, но Тинувиэль, будучи фэери, не пугалась их, как это в обычае у детей человеческих, хотя

жуков она не любила, а до паука ни за что не дотронется никто из эльдар — из-за Унгвэлиантэ. Теперь же белые мотыльки кружились над головою Тинувиэль, и Дайрон наигрывал причудливую мелодию, как вдруг случилось нечто странное.

Я так и не узнала, как Бэрэну удалось добраться туда через холмы; однако же немногие сравнились бы с ним в храбрости, как ты еще убедишься; может статься, одна лишь тяга к странствиям провела его чрез ужасы Железных Гор в Запредельные Земли.

Бэрэн был гном, сын Эгнора, лесного охотника из сумрачных чащ³ на севере Хисиломэ. Страх и подозрительность разделяли эльдар и родичей их, изведавших рабство у Мэлько, и в том нашли отмщение злые деяния гномов в Гавани Лебедей. Аживые измышления Мэлько передавались из уст в уста в народе Бэрэна, и верили гномы всему дурному о потаенных эльфах; однако теперь увидел Бэрэн в сумерках танцующую Тинувиэль, Тинувиэль же была в серебристо-жемчужных одеждах, и ее босые белые ножки мелькали среди стеблей болиголова. Тогда Бэрэн, не заботясь о том, кто она — вала или эльф, или дитя человеческое, подкрался поближе и прислонился к молодому вязу, что рос на холме, — так, чтобы сверху глядеть на полянку, где Тинувиэль кружилась в танце; ибо чары лишили Бэрэна сил. Столь хрупкой и прекрасной была эльфийская дева, что Бэрэн, наконец, позабыв об осторожности, выступил на открытое место, чтобы лучше видеть ее. В этот миг полная яркая луна вышла из-за ветвей и Дайрон заметил лицо Бэрэна. Тотчас же понял сын Тинвэлинта, что тот — не из их народа, а все лесные эльфы почитали гномов Дор Ломина созданиями вероломными, лживыми и жестокими; потому Дайрон выронил инструмент свой и, восклицая: «Беги, беги, о Тинувиэль, в лесу враг», быстро скрылся за деревьями. Но изумленная Тинувиэль не тотчас же последовала за Дайроном, ибо не сразу поняла слова его, и, зная, что не умеет бегать и прыгать столь же ловко, как ее брат, она вдруг скользнула вниз, в заросли белых болиголовов, и затаилась под высоким цветком с раскидистыми листьями; там, в светлых одеждах, она казалась бликом лунного света, мерцающим на земле сквозь листву.

Тогда опечалился Бэрэн, ибо одиноко ему было и огорчил его испуг незнакомцев; повсюду искал он Тинувиэль, думая, что не убежала она. И вдруг, нежданно-негаданно, коснулся он ладонью ее тонкой руки среди листвы; и, вскрикнув, Тинувиэль бросилась от него прочь; стремительно, как только могла, скользила она в бледном свете между древесных стволов и стеблей болиголова, и вокруг них. Нежное прикосновение ее руки

зажгло Бэрэна еще большим желанием отыскать ее; быстро следовал он за нею — однако недостаточно быстро, ибо в конце концов ей удалось ускользнуть. В страхе прибежала Тинувиэль к жилищу своего отца, и еще много дней не танцевала в лесах одна.

Великая скорбь овладела Бэрэном, и не пожелал он покинуть те места, все еще надеясь увидеть вновь, как кружится в танце прекрасная эльфийская дева; много дней скитался он в лесу, дик и одинок, разыскивая Тинувиэль. На рассвете и на закате искал ее Бэрэн, когда же ярко светила луна, надежда возвращалась к нему. Наконец, однажды ночью он заметил вдалеке отблеск света, и что же! — там, на невысоком безлесом холме, танцевала она в одиночестве, и Дайрона поблизости не было. Часто, очень часто впоследствии приходила туда Тинувиэль и, напевая про себя, кружилась в танце. Порою тут же был и Дайрон — тогда Бэрэн глядел издали, от кромки леса; порою же Дайрон отлучался — тогда Бэрэн подкрадывался поближе. На самом же деле Тинувиэль давно уже знала о его приходах, хотя делала вид, что ни о чем не догадывается; давно оставил ее страх, ибо великая скорбь и тоска читались на лице Бэрэна в лунном свете; и видела она, что нет в нем зла и очарован он ее танцами.

Тогда Бэрэн стал незамеченным следовать за Тинувиэль через лес до самого входа в пещеру, до самого моста; когда же исчезала она под сводами дворца, Бэрэн взывал через поток, тихо повторяя «Тинувиэль», ибо слышал это имя из уст Дайрона; и, хотя не ведал Бэрэн о том, Тинувиэль часто внимала ему, скрываясь под темным сводом, и улыбалась либо тихо смеялась про себя. Наконец, однажды, когда танцевала она в одиночестве, Бэрэн, набравшись храбрости, выступил вперед и молвил ей:

— Тинувиэль, научи меня танцевать.

— Кто ты? — спросила она.

— Бэрэн. Я пришел из-за Холмов Горечи.

— Ну что ж, если так хочешь ты танцевать, следуй за мною, — отвечала дева и, закружившись в танце перед Бэрэном, увлекла его за собой все дальше и дальше в лесную чащу, стремительно — и все же не так быстро, чтобы не мог он следовать за нею; то и дело оглядывалась она и смеялась над его неловкой поступью, говоря:

— Танцуй же, Бэрэн, танцуй! Так, как танцуют за Холмами Горечи!

И вот извилистыми тропами пришли они к обители Тинвэлинта, и Тинувиэль поманила Бэрэна на другой берег, и он, дивясь, последовал за нею в пещеру и подземные чертоги ее дома.

Когда же Бэрэн оказался перед королем, он оробел, а величие Королевы Гвэндэлинг повергло его в благоговейный трепет; и вот, когда король молвил: «Кто ты, незванным явившийся в мои чертоги?», — ничего не смог сказать Бэрэн. Потому Тинувиэль ответила за него, говоря:

— Отец мой, это Бэрэн, странник из-за холмов, он хотел бы научиться

танцевать так же, как эльфы Артанора, — и рассмеялась; но король нахмурился, услышав о том, откуда пришел Бэрэн, и молвил:

— Оставь легкомысленные речи, дитя мое, и ответь, не пытался ли этот неотесанный эльф из земли теней причинить тебе вред?

— Нет, отец, — отозвалась она, — и думается мне, что его сердце не знает зла. Не будь же столь суров с ним, если не хочешь видеть слезы дочери твоей Тинувиэль; ибо никого не знаю я, кто дивился бы моим танцам так, как он.

Тогда молвил Тинвэлинт:

— О Бэрэн, сын нолдоли, чего попросишь ты у эльфов леса прежде, чем возвратишься туда, откуда пришел?

Столь велики были радость и изумление Бэрэна, когда Тинувиэль заступилась за него перед отцом, что к нему вновь вернулась отвага, и безрассудная дерзость, что увела его из Хисиломэ за Горы Железа, вновь пробудилась в нем, и, смело глядя на Тинвэлинта, он отвечал:

— Что ж, о король, я прошу дочь твою Тинувиэль, ибо девы прекраснее и нежнее не выдывал я ни во сне, ни наяву.

Молчание воцарилось в зале, и только Дайрон расхохотался; все, слышавшие это, были поражены; но Тинувиэль потупила взор, а король, глядя на оборванного, потрепанного Бэрэна, тоже разразился смехом; Бэрэн же вспыхнул от стыда, и у Тинувиэль от жалости к нему сжалось сердце.

— Что! Жениться на моей Тинувиэль, прекраснейшей деве мира, и сделаться принцем лесных эльфов — невелика просьба для чужестранца, — проговорил Тинвэлинт. — Может статься, и мне позволено будет просить о чем-то взамен? О безделице прошу я, разве что в знак уважения твоего. Принеси мне Сильмариль из Короны Мэлько, и в тот же день Тинувиэль станет твоей женою, буде пожелает.

Тогда все во дворце поняли, что король счел происходящее неуклюжей шуткой и сжался над гномом, и заулыбались многие, ибо слава Сильмарилей Фэанора в ту пору гремела в мире, нолдоли встарь сложили о них легенды, и многие из тех, кому удалось бежать из Ангаманди, видели, как сияют они ослепительным светом в железной короне Мэлько. Никогда не снимал Враг этой короны, и дорожил самоцветами как зеницей ока, и никто в мире, ни эльф, ни человек, ни фэй, не смел надеяться когда-либо коснуться их хоть пальцем — и сохранить жизнь. Об этом ведомо было Бэрэну, и понял он, что означают насмешливые улыбки, и, вспыхнув от гнева, воскликнул:

— И впрямь, ничтожный дар отцу за невесту столь милую! Однако же странными кажутся мне обычаи лесных эльфов, уж очень схожи они с грубыми законами людского племени — называешь ты дар прежде, чем предложат тебе его, но что ж! Я, Бэрэн, охотник нолдоли⁴, исполню твою пустячную просьбу, — и с этими словами он стремительно выбежал из залы, в то время

как все застыли, словно пораженные громом, Тинувиэль же вдруг разрыдалась.

— Худо поступил ты, о отец мой, — воскликнула она, — послав его на смерть своею злосчастной шуткой, ибо теперь, сдается мне, он попытается исполнить назначенное, ибо презрение твое лишило его рассудка; и Мэлько убьет его, и никто более не посмотрит на танцы мои с такой любовью.

На это отвечал король:

— Не первым падет он от руки Мэлько, коему доводилось убивать гномов и по более ничтожному поводу. Пусть благодарит судьбу, что не остался здесь, скован ужасными чарами, за то, что посмел незванным явиться в мои чертоги, и за дерзкие свои речи.

Гвэндэлинг же ничего не сказала, и не отчитала Тинувиэль, и не спросила, почему вдруг расплакалась та о безвестном скитальце.

Ослепленный же яростью Бэрэн, уйдя от Тинвэлинта, углубился далеко в лес и шел, пока не добрался до невысоких холмов и безлесных равнин, отмечающих близость мрачных Железных Гор. Только тогда ощутил он усталость и остановился; после же начались для него испытания еще более тяжкие. Ночи беспросветного отчаяния выпали ему на долю, и не видел он надежды исполнить задуманное, да надежды почти и не было. Вскоре же, идя вдоль Железных Гор, Бэрэн приблизился к навещающему ужас краю, обиталищу Мэлько, и сильнейший страх охватил его. В той земле водилось немало ядовитых змей, там рыскали волки, однако неизмеримо страшнее были банды гоблинов и орков — гнусных тварей, порождений Мэлько, что бродили по окрестностям, творя зло, преследовали и заманивали в западню зверей, людей и эльфов, и волокли их к своему господину.

Много раз Бэрэна едва не схватили орки; а однажды спасся он от челюстей огромного волка, сразившись со зверем, — из оружия же была при Бэрэне только ясенева дубина; многие другие испытания и опасности выпадали ему на долю всякий день, пока шел он к Ангаманди. Часто мучили его к тому же голод и жажда, не раз склонялся Бэрэн к тому, чтобы повернуть назад, не будь это почти столь же опасно, как и продолжать путь; но голос Тинувиэль, что просила за него перед Тинвэлинтом, эхом звучал в сердце Бэрэна, а по ночам казалось ему, что сердцем слышит он порою, как она тихо плачет о нем — далеко, в своих родных лесах; и воистину, так оно и было.

Однажды жестокий голод вынудил Бэрэна поискать в покинутом орощем лагере остатков еды, но орки неожиданно возвратились, и захватили его в плен, и пытали его, но не убили, ибо предводитель орков, видя, сколь Бэрэн силен, хотя и изнурен тяготами, подумал, что Мэлько, может стать, доволен будет, если пленника доставят к нему, и назначит ему тяжелый рабский труд в шахтах или кузницах.

Вот так случилось, что пленника приволокли к Мэлько, однако же Бэрэн не терял мужества, ибо в роду его отца верили, что власти Мэлько не суждено длиться вечно, но валар снизойдут, наконец, к слезам нолдоли, и воспрянут, и одолеют, и скуют Мэлько, и вновь откроют Валинор для истомленных эльфов, и великая радость вновь воцарится на земле.

Мэлько же при взгляде на Бэрэна пришел в ярость, вопрошая, с какой это стати гном, раб его по рождению, посмел без приказа уйти столь далеко в лес; Бэрэн же отвечал, что он — не беглый раб, но происходит из рода гномов, живущих в Арьядоре и тесно сообщающихся там с племенем людей. Тогда Мэлько разгневался еще больше, ибо всегда стремился положить конец дружбе и сношениям между эльфами и людьми, и сказал, что видит, верно, перед собою заговорщика, замышляющего великое предательство против владычества Мэлько и заслуживающего, чтобы балроги подвергли его пыткам. Бэрэн же, понимая, что за опасность ему грозит, отвечал так:

— Не думай, о могущественнейший айну Мэлько, Владыка Мира, что это правда, ибо, будь это так, разве оказался бы я здесь один, без поддержки? Бэрэн, сын Эгнора, не жалуется дружбой род людской; нет же, ему опротивели земли, наводненные этим племенем, затем и покинул он Арьядор. Много дивного рассказывал мне встарь отец о величии твоим и славе, потому, хоть я и не беглый раб, более всего на свете желаю я служить тебе тем немногим, на что способен, — и добавил еще Бэрэн, что он — великий охотник, ставит капканы на мелкого зверя и сети на птиц, и, увлекшись занятием этим, заплутал в холмах, и после долгих странствий добрался до чужих земель; и если бы даже орки не схватили его, он бы об иной защите и не помышлял, кроме как предстать перед великим айну Мэлько и просить Мэлько как о милости принять его на скромную службу — может быть, поставлять дичь для его стола.

Должно быть, валар внушили Бэрэну эти речи, или, может статься, Гвэндэлинг из сострадания наделила его колдовским даром слова, ибо и в самом деле это спасло ему жизнь; Мэлько, видя, сколь крепко сложен тот, поверил Бэрэну и готов был принять его рабом на кухню. Сладкий аромат лести кружил голову этому айну, и, невзирая на всю его неизмеримую мудрость, очень часто ложь тех, кого Мэлько удостаивал лишь презрением, вводила его в заблуждение, если только облечена была в слова сладкоречивых похвал; потому он приказал, чтобы Бэрэн стал рабом Тэвильдо, Князя Котов*. Тэвильдо же был огромным котом, самым

* Ссылка внизу страницы рукописи: *Тифиль (Бридон) Миаугион или Тэвильдо (Вардо) Мэойта.*

могучим из тех, что знал мир, — одержим, как говорили, злым духом, он неотлучно состоял в свите Мэлько. Этот зверь держал в подчинении всех прочих котов; он и его подданные ловили и добывали дичь для стола Мэлько и его частых пиров. Вот почему ненависть между эльфами и кошачьим племенем жива и по сей день, когда Мэлько уже не царит в мире и звери его утратили былую силу и власть.

Потому, когда Бэрэна увели в чертоги Тэвильдо, — а находились они неподалеку от тронного зала Мэлько, — тот весьма испугался, ибо не ожидал такого поворота событий; чертоги эти были тускло освещены, и отовсюду из темноты доносилось урчание и утробное мурлыканье. Кругом горели кошачьи глаза — словно зеленые, красные и желтые огни. Там расселись таны Тэвильдо, помахивая и колотя себя по бокам своими роскошными хвостами; сам же Тэвильдо восседал во главе прочих — огромный, угольно-черный кот устрашающего вида. Глаза его, удлинённые, раскосые, очень узкие, переливались алым и зеленым светом, а пышные серые усы были тверды и остры, словно иглы. Урчание его подобно было рокоту барабанов, а рык — словно гром, когда же он завывал от гнева, кровь стыла в жилах, — и действительно, мелкие зверушки и птицы каменели от страха, а зачастую и падали замертво при одном этом звуке. Тэвильдо же, завидев Бэрэна, сузил глаза, так, что могло показаться, будто они закрыты, и сказал: «Чую пса», и с этой самой минуты невзлюбил Бэрэна. Бэрэн же в бытность свою в родных диких краях души не чаял в собаках.

— Для чего посмели вы, — молвил Тэвильдо, — привести ко мне подобную тварь, — разве что, может статься, на еду?

Но отвечали те, что доставили Бэрэна:

— Нет же, Мэлько повелел, чтобы этот злосчастный эльф влачил свои дни, ловя зверей и птиц под началом у Тэвильдо.

На это Тэвильдо, презрительно взвизгнув, отозвался:

— Тогда воистину господином моим овладел сон, либо мысли его заняты были другим, — как полагаете вы, что пользы в сыне эльдар, что за помощь от него Князю Котов и его танам в поимке зверя и птицы; с тем же успехом могли бы вы привести неуклюжего смертного, ибо не родился еще тот человек или эльф, что мог бы соперничать с нами в охотничьем искусстве.

Однако же Тэвильдо назначил Бэрэну испытание и повелел ему пойти и изловить трех мышей, «ибо чертоги мои кишат ими» — сказал кот. Как легко можно догадаться, это не было правдой, однако мыши там и впрямь водились — дикие, злобные, колдовской породы, они отваживались селиться там в темных норах, — крупнее крыс и крайне свирепые; Тэвильдо держал их забавы ради, для собственного своего развлечения, и следил за тем, чтобы число мышей не убывало.

Три дня охотился за ними Бэрэн, но, поскольку ничего у него не нашлось, из чего бы соорудить ловушку (а он не солгал Мэлько, говоря, что искусен в приспособлениях такого рода), гонялся он попусту и в награду за все труды свои остался только с укушенным пальцем. Тогда Тэвильдо преисполнился презрения и великого гнева, но в ту пору ни он сам, ни таны его не причинили Бэрэну вреда, покорные повелению Мэлько, — пленник отделался только несколькими царапинами. Однако теперь для Бэрэна настали черные дни в чертогах Тэвильдо. Его сделали слугою при кухне; целыми днями он, несчастный, мыл полы и посуду, тер столы, рубил дрова и носил воду. Часто заставляли его вращать вертел, на котором подрумянивались для котов жирные мыши и птица; самому же Бэрэну нечасто доводилось поесть и поспать; теперь выглядел он изможденным и неухоженным и часто думал о том, что лучше бы ему никогда не покидать пределов Хисиломэ и не узреть танцующую Тинувиэль.

После ухода Бэрэна нежная эта дева пролила немало слез, и не танцевала более в лесах, и Дайрон злился, не в силах понять сестру; ей же уже давно отрадно было видеть лицо Бэрэна среди ветвей и прислушиваться к его шагам, когда следовал он за нею через лес, и мечтала она услышать вновь голос его, печально взывающий «Тинувиэль, Тинувиэль» через поток у дверей отцовского дома; и не до танцев ей было теперь, когда Бэрэна услали в мрачные чертоги Мэлько и, может статься, там он уже и погиб. Столь горькие мысли одолели ее наконец, что эта нежнейшая из дев отправилась к матери, ибо к отцу не смела идти она и скрывала от него слезы.

— О матушка моя Гвэндэлинг, — молвила она, — открой мне своим волшебством, если то под силу тебе, что с Бэрэном? Все ли до поры благополучно с ним?

— Нет, — отвечала Гвэндэлинг. — Он жив, это правда, но дни свои влачит в жестокой неволе, и надежда умерла в его сердце; узнай же, он — раб во власти Тэвильдо, Князя Котов.

— Тогда, — молвила Тинувиэль, — я должна поспешить к нему на помощь, ибо никого не знаю я, кто захотел бы помочь ему.

Гвэндэлинг не рассмеялась на это; во многом она была мудра и умела прозревать грядущее, однако даже в безумном сне не могло пригрезиться ничего подобного: чтобы эльф, более того — дева, дочь короля, отправилась бы одна, без поддержки, в чертоги Мэлько — даже в те давние дни, до Битвы Слез, когда мощь Мэлько еще не возросла, и Враг тайл до поры свои замыслы и плел хитросплетения лжи. Потому Гвэндэлинг ласково велела ей не вести речи столь безрассудные, но отвечала Тинувиэль на это:

— Тогда ты должна просить отца моего о помощи, чтобы послал он

воинов в Ангаманди и потребовал у айну Мэлько освобождения Бэрэна.

Из любви к дочери Гвэндэлинг так и поступила, и непомерно разгневался Тинвэлинт, засим Тинувиэль горько пожалела, что поведала о своем желании; Тинвэлинт же повелел ей не упоминать и не думать более о Бэрэне и поклялся, что убьет гнома, буде тот еще раз вступит в его чертоги. Долго размышляла Тинувиэль, что бы предпринять ей, и, отправившись к Дайрону, попросила брата помочь ей и, если будет на то его воля, отправиться вместе с нею в Ангаманди; но Дайрон вспоминал о Бэрэне без особой любви и отвечал так:

— Для чего мне подвергать себя самой страшной опасности, какая только есть в мире, из-за лесного скитальца-гнома? Воистину не питаю я к нему любви, ибо он положил конец нашим играм, музыке нашей и танцам.

Более того, Дайрон рассказал королю о просьбе Тинувиэль, и сделал это не из злого умысла, но опасаясь, что Тинувиэль в безумии своем и впрямь отправится на смерть.

Когда же⁵ услышал об этом Тинвэлинт, он призвал Тинувиэль и сказал:

— Почто, о дочь моя, не забыла ты об этом безрассудстве и не стремишься исполнить мою волю?

Не добившись от Тинувиэль ответа, он потребовал от нее обещания не думать более о Бэрэне и не пытаться по неразумию последовать за ним в земли зла, одной ли, или склонив к тому его подданных. Но отвечала Тинувиэль, что первого она обещать не сможет, а второе — только отчасти, ибо не станет она склонять никого из лесного народа следовать за нею.

Тогда отец ее весьма разгневался, но и в гневе немало подивился и испугался, ибо любил он Тинувиэль; и вот что измыслил он, ибо не мог запереть дочь свою навеки в пещерах, куда проникал только тусклый, мерцающий свет. Над воротами его скальных чертогов поднимался крутой, уводящий к реке склон; там росли раскидистые буки. Один из них звался Хирилорн, Королева Дерев — то было огромное и могучее дерево, и ствол его расходился у самого подножия, так что казалось, будто не один, а три ствола вместе поднимаются от земли, округлые и прямые: серебристая кора их гладкостью напоминала шелк, а ветви и сучья начинались только на головокружительных высотах.

И вот Тинвэлинт приказал выстроить на этом диковинном дереве, так высоко, как только можно было взобраться при помощи приставных лестниц, сооруженных мужами, небольшой деревянный домик выше первых ветвей, красиво укрытый завесой листвы. Три угла было в нем, и три окна в каждой стене, и на каждый угол приходилось по одному из стволов бука Хирилорн. Там Тинвэлинт повелел дочери оставаться до тех пор, пока не

согласится она внять голосу разума; когда же Тинувиэль поднялась вверх по длинным приставным лестницам из сосновой древесины, их убрали снизу, так, что вновь спуститься стало невозможно. Все, в чем нуждалась Тинувиэль, доставлялось ей: поднимаясь по приставным лестницам, эльфы подавали ей еду и все, чего бы ни пожелала она; а затем, спустившись, убирали лестницы, и король угрожал смертью любому, кто оставит лестницу прислоненной к стволу, либо тайно попытается поставить ее там под покровом ночи. Потому у подножия дерева выставлена была стража, однако Дайрон часто приходил туда, сокрушаясь о содеянном, ибо одиноко ему было без сестрицы; Тинувиэль же поначалу весьма радовалась своему домику среди листвы и часто выглядывала из окошка, пока Дайрон наигрывал внизу свои самые дивные мелодии.

Но как-то раз ночью Тинувиэль привиделся сон, посланный валар: приснился ей Бэрэн, и сердце девы молвило: «Должна я идти искать того, о ком все позабыли», — и пробудилась она, и луна сияла среди деревьев, и глубоко задумалась Тинувиэль, как бы ускользнуть ей. А Тинувиэль, дочь Гвэндэлинг, как можно себе предположить, не вовсе неискушена была в магии и искусстве заклятий, и после долгих раздумий измыслила она план. На следующий день она попросила тех, кто пришел к ней — не принесут ли они ей прозрачной воды из реки, что текла внизу.

— Но воду, — наставляла она, — следует набрать в полночь в серебряную чашу и принести ко мне, не вымолвив при этом ни слова.

После того пожелала она, чтобы доставили ей вина:

— Но вино, — наставляла она, — следует принести сюда в золотом кувшине в полдень, и несущий должен всю дорогу распевать песни, — и было сделано так, как велела она, Тинвэлинту же об этом не сказали.

Тогда молвила Тинувиэль:

— Ступайте теперь к моей матери и скажите, что дочь ее просит прялку, чтобы коротать за нею долгие дни, — а Дайрона втайне попросила сделать для нее маленький ткацкий станок, и Дайрон сладил его прямо в древесном домике Тинувиэль.

— Но как станешь прясть ты и как станешь ткать? — спросил он, и Тинувиэль отвечала:

— Заклятиями и волшебством, — но Дайрон не знал, что задумала она, и ничего более не сказал ни королю, ни Гвэндэлинг.

И вот, оставшись одна, Тинувиэль взяла воду и вино и, смешивая их, запела волшебную песнь великой силы, и, наполнив золотую чашу, она запела песнь роста, а, перелив зелье в серебряную чашу, она начала новую песнь и вплела в нее названия всего, что отличалось непомерной вышиной и длиной; упомянула она бороды индравангов, хвост Каркараса, тело Глорунда, ствол бука Хирилорн, меч Нана; не забыла она ни цепь Ангайну, что отковали Аулэ и Тулкас, ни шею великана Гилима, последними же

назвала она пряди волос Уинэн, владычицы моря, что пронизывают все воды — ничего нет в целом свете равного им по длине. После того Тинувиэль омыла голову водою и вином, и в это время пела третью песнь, песнь неодолимого сна, — и вот волосы Тинувиэль, темные и более тонкие, нежели нежнейшие нити сумерек, вдруг и впрямь стали стремительно расти и по прошествии двенадцати часов почти заполнили комнатку; тогда весьма порадовалась Тинувиэль и прилегла отдохнуть; когда же пробудилась она, словно бы черный туман затопил спальню, окутав Тинувиэль с головы до ног; и взгляните! — темные пряди ее свешивались из окна и трепетали меж древесных стволов поутру. Тогда Тинувиэль с трудом отыскала свои маленькие ножницы и обрезала длинные локоны у самой головы; и после этого волосы выросли только до прежней длины.

И вот принялась Тинувиэль за труды, и хотя работала она с эльфийским искусством и сноровкой, долго пришлось ей прясть, а ткать — еще дольше; если кто-нибудь приходил и окликал снизу, она отсылала всех, говоря:

— Я в постели и желаю только спать, — и весьма дивился Дайрон, и не раз звал сестрицу, но она не отвечала.

Из этого-то облака волос Тинувиэль соткала одеяние туманной тьмы, вобравшее дремотные чары куда более могущественные, нежели облачение, в котором танцевала ее мать задолго до того, как встало Солнце; это одеяние Тинувиэль набросила на одежды свои мерцающей белизны, и волшебные сны заструились в воздухе вокруг нее; из оставшихся прядей она свила крепкую веревку и привязала ее к стволу дерева внутри своего домика; на том закончились ее труды, и Тинувиэль поглядела из окна на запад от реки. Солнечный свет уже угасал среди деревьев, и едва в лесу сгустились сумерки, девушка запела негромкую, нежную песнь и, продолжая петь, опустила свои длинные волосы из окна так, чтобы их дремотный туман оведал головы и лица поставленной внизу стражи; они же, внимая голосу, тотчас погрузились в глубокий сон. Тогда Тинувиэль, облаченная в одежды тьмы, легко, как белочка, скользнула вниз по волосяной веревке, танцуя, побежала к реке, и, прежде чем всполошилась стража у моста, она уже закружилась перед ними в танце, и, едва край ее черного одеяния коснулся их, они уснули, и Тинувиэль устремилась прочь так быстро, как только несли ее в танце легкие ножки.

Когда же известие о побеге Тинувиэль достигло слуха Тинвэлинта, великое горе и гнев обуяли короля, весь двор охвачен был волнением, в лесах звенели голоса высланных на поиски, но Тинувиэль была уже далеко и приближалась к мрачным подножиям холмов, где начинаются Горы Ночи; и говорится, что Дайрон, последовав за нею,

запутал и не вернулся более в Эльфинесс, но отправился к Палисору, и там, в южных лесах и чащах наигрывает⁶ нежные волшебные песни и по сей день, одинок и печален.

Недолго шла Тинувиэль, когда вдруг ужас охватил ее при мысли о том, что осмелилась она содеять и что ожидает ее впереди; тогда на время она повернула вспять и разрыдалась, жалея о том, что нет с нею Дайрона; и говорит, будто в ту пору был он неподалеку и скитался, сбившись с пути, между высоких сосен в Чаще Ночи, где впоследствии Турин по роковой случайности убил Бэлэга⁷. В ту пору Тинувиэль находилась совсем близко от тех мест, но не вступила в темные земли, а, набравшись мужества, поспешила дальше; и благодаря ее волшебной силе и дивным чарам сна, окутавшим ее, опасности, что прежде выпали на долю Бэрэна, беглянку не коснулись; однако же для девы то был долгий, и нелегкий, и утомительный путь.

Надо ли говорить тебе, Эриол, что в те времена только одно досаждало Тэвильдо — а именно род Псов. Многие из них, правда, не были Котам ни друзьями, ни врагами, ибо, признавши власть Мэлько, они отличались той же необузданной жестокостью, как и все его зверье; а из наиболее жестоких и диких Мэлько вывел племя волков, коими весьма дорожил. Разве не огромный серый волк Каркарас Ножеклык, прародитель волков, охранял в те дни врата Ангаманди, будучи уже давно к ним приставлен? Однако нашлось немало и таких, что не пожелали ни покориться Мэлько, ни жить в страхе перед ним; эти псы либо поселились в жилищах людей, охраняя хозяев от немалого зла, что иначе неминуемо постигло бы их, либо скитались в лесах Хисиломэ, или, миновав нагорья, забредали порою в земли Артанора или в те края, что лежали дальше, к югу.

Стоило такому псу приметить Тэвильдо либо кого-либо из его таков и подданных, тотчас же раздавался оглушительный лай и начиналась знатная охота. Травля редко стоила коту жизни — слишком ловко взбирались они на деревья и слишком искусно прятались, и потому еще, что котов хранила мощь Мэлько, однако между собаками и котами жила непримиримая вражда, и некоторые псы внушали котам великий ужас. Тэвильдо же, который силой мог померяться с любым псом и всех их превосходил ловкостью и проворством, не страшился никого, кроме Хуана, Предводителя Псов. Столь проворен был Хуан, что как-то раз в старину удалось ему запустить зубы в шерсть Тэвильдо, и хотя Тэвильдо отплатил ему за это глубокой раной от огромных своих когтей, однако гордость Князя Котов еще не была удовлетворена, и он жаждал отомстить Хуану из рода Псов.

Потому весьма повезло Тинувиэль, что повстречала она в лесах Хуана, хотя сначала она испугалась до смерти и обратилась в бегство.

Но Хуан догнал ее в два прыжка и, заговорив низким, негромким голосом на языке Утраченных Эльфов, велел ей забыть о страхе.

— Как это довелось увидеть мне, — молвил пес, — что столь прекрасная эльфийская дева скитается в одиночестве так близко от обители Айну Зла? Или не знаешь ты, маленькая, что эти края опасны, даже если прийти сюда со спутником, а для одинокого странника это — верная смерть?

— Мне ведомо об этом, — отвечала она, — и сюда привела меня не любовь к странствиям; я ищу только Бэрэна.

— Что знаешь ты о Бэрэне? — спросил Хуан. — Воистину ли имеешь ты в виду Бэрэна, сына эльфийского охотника Эгнора бо-Римиона, моего друга с незапамятных времен?

— Нет же, я и не знаю, в самом ли деле мой Бэрэн — друг тебе; я ищу Бэрэна из-за Холмов Горечи; я повстречала его в лесах близ отцовского дома. Теперь он ушел, и матушке моей Гвэндэлинг мудрость подсказывает, что он — раб в жутких чертогах Тэвильдо, Князя Котов; правда ли это или что худшее случилось с ним с тех пор, я не ведаю; я иду искать его — хотя никакого плана у меня нет.

— Тогда я подкажу тебе план, — отвечал Хуан, — но доверься мне, ибо я — Хуан из рода Псов, заклятый враг Тэвильдо. Теперь же отдохни под сенью леса, а я постерегу тебя и поразмыслю хорошенько.

Тинувизель поступила по его слову и долго проспала под охраной Хуана, ибо очень устала. Пробудившись же наконец, она молвила:

— Ох, я слишком долго задержалась. Ну же, что надумал ты, о Хуан?

И отвечал Хуан:

— Дело это непростое и темное, и вот какой план могу предложить я; другого нет. Проберись, если отважишься, к обители этого Князя, когда солнце поднимется высоко, а Тэвильдо и большинство его приближенных задремлют на террасах перед воротами. Там узнай как-нибудь, если удастся, вправду ли Бэрэн находится внутри, как сказала тебе мать. Я же буду в лесу неподалеку, и ты доставишь удовольствие мне и добьешься исполнения своего желания, если предстанешь перед Тэвильдо, там ли Бэрэн или нет, и расскажешь ему, как набрела ты на Хуана из рода Псов, что лежит больной в чаще в этом самом месте. Но не указывай ему путь сюда; ты сама должна привести его, если сумеешь. Тогда увидишь, что сделаю я для тебя и для Тэвильдо. Сдается мне, что если принесешь ты такие вести, Тэвильдо не причинит тебе зла в своих чертогах и не попытается задержать тебя там.

Таким образом надеялся Хуан и повредить Тэвильдо, и покончить с ним, если удастся, — и помочь Бэрэну, — ибо его справедливо счел он

тем самым Бэрэном, сыном Эгнора, к которому привязаны были псы Хисиломэ. Услышав же имя Гвэндэлинг и узнав, что встреченная им дева — принцесса лесных фэери, Хуан с охотою готов был оказать ей помощь, а нежная красота девушки тронула сердце Предводителя Псов.

И вот Тинувиэль, набравшись храбрости, пробралась к чертогам Тэвильдо, а Хуан, дивясь ее отваге, следовал за нею сколько мог, — так, чтобы не подставит под угрозу успех своего замысла. В конце концов, однако, Тинувиэль исчезла из виду и, покинув лесную сень, вышла на луг с высокой травой, поросший кустарником там и тут, что полого поднимался вверх, к склону холма. На этом скалистом отроге сияло солнце, но над горами и холмами позади клубилось черное облако, ибо там находилась крепость Ангаманди; и Тинувиэль шла вперед, не осмеливаясь поглядеть в ту сторону, ибо страх терзал ее; девушка поднималась все выше, травы становилось все меньше, и местность делалась все более каменистой; и вот, наконец, Тинувиэль оказалась на утесе, отвесном с одной стороны; там, на скалистом уступе, находился замок Тэвильдо. Ни единой тропы не вело туда, и от того места, где возвышался замок, к лесу ярусами спускались террасы — так, чтобы никто не мог добраться до ворот иначе, как огромными прыжками; а чем ближе к замку, тем круче становились уступы. Немного окон насчитывалось в той обители, а у земли — и вовсе ни одного: даже сами ворота находились над землею, там, где в жилищах людей расположены окна верхнего этажа: а на крыше раскинулось немало широких, ровных, открытых солнцу площадок.

И вот скиталась безутешная Тинувиэль по нижней террасе, в ужасе глядя в сторону темного замка на холме; как вдруг, глядь! — завернув за скалу, она набрела на кота, что в одиночку грелся на солнце и, казалось, дремал. Едва приблизилась Тинувиэль, кот открыл желтый глаз и сощурился на нее; и, поднимаясь и потягиваясь, шагнул к ней и молвил:

— Куда это направляешься ты, крошка, — или не знаешь ты, что преступаешь границу той земли, где греются на солнце его высочество Тэвильдо и его таны?

Весьма испугалась Тинувиэль, но отвечала смело, как смогла, говоря:

— Мне ведомо об этом, повелитель, — и тем немало польстила старому коту, ибо на самом деле он был всего лишь привратником Тэвильдо, — но прошу тебя о милости, проводи меня немедленно к Тэвильдо, даже если спит он, — так сказала она, ибо изумленный привратник хлестнул хвостом в знак отказа.

— Срочные вести великой важности несу я, и сообщить их могу лишь одному Тэвильдо. Отведи меня к нему, повелитель, — взмолилась Тинувиэль, и кот при этом замурлыкал столь громко, что девушка осмелилась погладить его безобразную голову, а она была гораздо огромнее, нежели ее собственная; больше, чем у любой собаки, что водятся ныне на земле.

На эти просьбы Умуийан, ибо так его звали, отвечал:

— Тогда идем со мною, — и, подхватив вдруг Тинувиэль за одежды у плеча, он перебросил ее на спину, к великому ужасу девушки, и прыгнул на вторую террасу. Там кот остановился и, пока Тинувиэль кое-как слезла с его спины, сказал:

— Повезло тебе, что нынче повелитель мой Тэвильдо отдыхает на этой нижней террасе, далеко от замка, ибо великая усталость и сонливость овладели мною, потому опасаясь я, не было бы у меня большой охоты нести тебя дальше, — Тинувиэль же облачена была в одежды темного тумана.

Выговорив это, Умуийан* сладко зевнул и потянулся, прежде чем повести гостью по террасе на открытое место, туда, где на широком ложе из нагретых камней покоилась отвратительная фигура самого Тэвильдо, злобные же глаза его были закрыты. Подойдя к нему, привратник Умуийан тихо зашептал коту на ухо, говоря:

— Некая девица ожидает вашей воли, повелитель; важные вести принесла она тебе, и не желает слушать моих отказов.

Тогда Тэвильдо гневно хлестнул хвостом, приоткрыв один глаз.

— В чем дело, говори живее, — отозвался он, — ибо не тот ныне час, чтобы искать встречи с Тэвильдо, Князем Котов.

— Нет же, повелитель, — молвила Тинувиэль, дрожа, — не гневайся, да и не думаю я, что станешь ты гневаться, когда выслушаешь; однако дело таково, что лучше даже шепотом не говорить о нем здесь, где дует ветер, — и она опасливо посмотрела в сторону леса, словно боясь чего-то.

— Нет, убирайся, — отвечал Тэвильдо, — от тебя пахнет псом, а бывало ли когда-нибудь, чтобы кот выслушивал хорошие новости от фэери, что якшается с псами?

— О владыка, неудивительно, что чуешь ты запах пса — только что едва спаслась я от одного такого; уж поверь мне, именно о некоем мочуе псе, чье имя тебе хорошо известно, хочу я говорить.

Тогда Тэвильдо уселся и открыл глаза, огляделся, потянулся трижды и, наконец, повелел коту-привратнику доставить Тинувиэль в замок, и Умуийан перебросил ее на спину, как прежде. А Тинувиэль охватил сильнейший ужас, ибо, добившись желаемого, то есть возможности попасть в крепость Тэвильдо, она не представляла, что делать дальше, и не ведала, что станется с нею; если бы могла, она бы бежала прочь; но коты уже начали подниматься по террасам к замку. Один прыжок сделал Умуийан, неся Тинувиэль вверх, и еще один, а на третьем споткнулся —

* Над Умуийан здесь написано имя Гумниов, заключенное в скобки.

так, что Тинувизель в страхе вскрикнула, и Тэвильдо молвил:

— Что случилось с тобою, неуклюжий ты Умуийан? Пора тебе оставить мою службу, ежели старость столь стремительно подкрадывается к тебе.

Умуийан же отвечивал:

— Нет, повелитель, не знаю, что со мною; туман перед моим взором, и голова тяжела, — и он зашатался, словно пьяный, так, что Тинувизель соскользнула с его спины, и улегся, словно бы погрузившись в глубокий сон. Тэвильдо же разгневался и, довольно грубо подхватив Тинувизель, сам донес ее до ворот. Одним огромным прыжком оказался кот внутри и, повелев девушке спуститься, издал пронзительный вой, и жуткое эхо отозвалось в темных переходах и коридорах. Тотчас же поспешили к Тэвильдо его слуги, и одним приказал он спуститься к Умуийану, связать его и сбросить с утесов на северной стороне, где скалы наиболее отвесны:

— Ибо более от него мне нет пользы, — молвил Князь Котов, — от старости он нетвердо держится на ногах, — и Тинувизель содрогнулась от жестоких слов зверя. Но едва вымолвил это Тэвильдо, как и сам зевнул и споткнулся, словно сонливость внезапно овладела им; и повелел прочим увести Тинувизель в один из внутренних покоев, туда, где Тэвильдо обычно сиживал за трапезой со своими знатнейшими танами. Там повсюду валялись кости и стоял мерзкий запах; окон там не было, одна лишь дверь; однако люк вел оттуда в просторные кухни, откуда пробивался алый отблеск, слабо освещавший покои.

Столь страшно стало Тинувизель, когда коты оставили ее там, что минутой стояла она неподвижно, не в состоянии пошевелиться; но очень скоро привыкнув к темноте, она огляделась и заприметила люк с широким наружным уступом, и вспрыгнула на него, ибо высота была небольшой, а эльфийская дева отличалась ловкостью и проворством. Заглянув внутрь, ибо люк был открыт настежь, она разглядела кухни с высокими сводами, и огромные очаги, где пылал огонь, и тех, что изо дня в день трудились там — по большей части то были коты, но, глядь! — у одного из огромных очагов склонился перепачканный сажей Бэрэн; и Тинувизель сидела и рыдала, но до поры не осмелилась ни на что. А тем временем в зале раздался вдруг резкий голос Тэвильдо:

— Нет, куда, во имя Мэлько, запропастилась эта сумасбродная эльфийка, — и Тинувизель, заслышав это, прижалась к стене, но Тэвильдо, заприметив ее там, где устроилась она, воскликнул:

— Вот птишка и перестала петь; слезай, или я сам достану тебя; ибо смотри мне, я не позволю эльфам искать встречи со мной смеха ради.

Тогда отчасти в страхе, а отчасти в надежде, что звонкий ее голос донесется даже до Бэрэна, Тинувизель заговорила вдруг очень громко, рассказывая свою историю так, что эхо зазвенело в залах; но молвил Тэвильдо:

— Тише, милая девушка, если дело это являлось тайной снаружи,

незачем кричать о нем внутри.

Тогда воскликнула Тинувиэль:

— Не говори так со мною, о кот, будь ты даже могущественнейший Владыка Котов, ибо разве я — не Тинувиэль, Принцесса Фэери, что свернула с пути, дабы доставить тебе удовольствие?

При этих словах, — а она прокричала их еще громче, чем прежде, — в кухне послышался страшный грохот, словно внезапно уронили гору металлической и глиняной посуды, и Тэвильдо зарычал:

— Не иначе как опять споткнулся этот бестолковый эльф Бэрэн, избавь меня Мэлько от такого народа, — но Тинувиэль, догадавшись, что Бэрэн услышал ее и сражен изумлением, позабыла о страхах и более не жалела о своей дерзости. Тэвильдо, однако же, весьма разгневался на ее заносчивые слова, и, не будь он расположен сперва узнать, что за пользу сможет извлечь из ее рассказа, плохо пришлось бы Тинувиэль. Воистину с этой самой минуты подвергалась она великой опасности, ибо Мэлько и все его вассалы почитали Тинвэлинта и его народ вне закона, и весьма радовались, если удавалось поймать кого-то из лесных эльфов и в полной мере явить свою жестокость; потому великую милость заслужил бы Тэвильдо, если бы доставил Тинувиэль к своему повелителю. И впрямь, едва назвала она себя, именно так и вознамерился Тэвильдо поступить, как только покончит со своим собственным делом; но воистину рассудок его был усыплен в тот день, и кот забыл удивиться, почему это Тинувиэль устроилась наверху, взобравшись на приступку люка: да и о Бэрэне больше не вспоминал, ибо мысли его заняты были только рассказом Тинувиэль. Потому молвил Тэвильдо, скрывая свой злобный замысел:

— Нет же, госпожа, не гневайся; промедление разжигает мое нетерпение; ну начинай же рассказ, что приготовила ты для моих ушей — ибо я уже насторожил их.

И отвечала Тинувиэль:

— Есть тут огромный зверь, злобный и дикий, по имени Хуан, — при этом имени Тэвильдо выгнул спину, шерсть его поднялась дыбом, по ней пробежали искры, а в глазах вспыхнуло алое пламя.

— И кажется мне неладным, — продолжала девушка, — что такому чудищу дозволено осквернять присутствием своим лес столь близко к обители могущественного Князя Котов, владыки Тэвильдо.

Но Тэвильдо отвечал:

— Не дозволено ему это, и является пес сюда не иначе как украдкой.

— Как бы то ни было, — молвила Тинувиэль, — сейчас он здесь, однако сдастся мне, что, наконец, с ним можно покончить; ибо шла я тут через леса и увидела огромного зверя, что, стая, лежал на земле, словно сраженный болезнью; и глядь! — то был Хуан, во власти злобных чар либо недуга; и сейчас пребывает он, беспомощный, в долине, менее чем в миле к западу через лес от твоих чертогов. Может быть, и не стала бы я тревожить этим известием твой слух, если бы чудовище, едва приблизилась я, дабы помочь ему, не зарычало на меня и не попыталось укусить; сдастся мне, что подобное существо вполне заслуживает своей участи.

Все, что рассказала Тинувиэль, являлось великой ложью, подсказанной ей Хуаном, ибо девы эльдар во лжи не искушены; однако не слышала я, чтобы впоследствии кто-либо из эльдар ставил подобный обман в вину ей либо Бэрэну; не вину и я их, ибо Тэвильдо был злобным зверем, а Мэлько превосходил жестокостью всех живущих на земле; и Тинувиэль, оказавшись в их власти, подвергалась страшной опасности. Тэвильдо, однако, сам опытный и искусный лжец, столь глубоко постиг изворотливость и коварство всех зверей и прочих живых существ, что зачастую не знал, верить ли тому, что слышит, или нет; и склонен был не верить ничему, кроме того, во что поверить хотелось, — так случилось ему бывать обманутым и более правдивыми. Рассказ же о Хуане и его беспомощном состоянии столь порадовал Тэвильдо, что кот не склонен был усомниться в его истинности и твердо вознамерился по крайней мере проверить слова гости; однако поначалу он изобразил безразличие, заявив, что незачем было окружать такой тайной дело столь пустячное; вполне можно было говорить о нем и снаружи, без особых церемоний. На это отвечала Тинувиэль, что не подозревала прежде, будто Тэвильдо, Князь Котов, не ведает о том, насколько тонок слух Хуана: уши пса улавливают самый слабый звук на расстоянии лиги, а уж голос кота различают дальше любого другого звука.

И вот Тэвильдо попытался выведать у Тинувиэль, притворившись, что не верит ее рассказу, где именно находится Хуан, но девушка отвечала уклончиво, видя в том свою единственную надежду ускользнуть из замка; и наконец любопытство одержало верх в Князе Котов, и он, угрожая Тинувиэль всевозможными карами в случае обмана, призвал к себе двух своих танов, одним из которых был Ойкэрой, жестокий и воинственный кот. И вот все трое пустились в путь вместе с Тинувиэль; она же сняла свое волшебное черное облачение и свернула его так, что, невзирая на величину и плотность, оно показалось меньше самого крошечного платка (это она умела); так Тинувиэль доставлена была вниз по террасам на спине Ойкэроя без каких-либо неприятностей и сонливость не овладела котом. И вот, крадучись, двинулись они через лес в том направлении, что выбрала Тинувиэль; и вот уже Тэвильдо чует пса, шерсть у кота встает дыбом, он бьет своим пышным хвостом, и взбирается на высокое дерево, и сверху глядывается в долину, на которую указала Тинувиэль. Там и в самом деле видит Тэвильдо огромного пса Хуана, что распростерся на земле, стаяя и скуля, и, ликуя, поспешно спускается Тэвильдо, и в нетерпении своем вовсе забывает о Тинувиэль, что, весьма испугавшись за Хуана, укрылась в зарослях папоротника. Тэвильдо и два его спутника задумали спуститься в ту долину с разных сторон, и наброситься внезапно на Хуана, застав его врасплох, и убить его; или, если тот совсем обессилен недугом, поразвлечься и помучить его. Так и поступили коты, но, едва прыгнули они на Хуана, пес вскочил

и громко залаял, и челюсти его сомкнулись на хребте кота Ойкэроя у самой шеи, и Ойкэрой испустил дух; второй же тан, завывая, проворно взобрался на вершину раскидистого дерева; так Тэвильдо оказался лицом к лицу с Хуаном. Такая встреча не пришлась по душе Князю Котов; но Хуан бросился на него слишком стремительно, чтобы тот успел удрать; и в долине закипела яростная битва; ужасный шум производил Тэвильдо, но, наконец, Хуан вцепился ему в горло; тут-то кот и распростился бы с жизнью, если бы его когтистая лапа, которой он размахивал вслепую, не угодила Хуану в глаз. Тогда Хуан залаял, и Тэвильдо, гнусно завизжав, с усилием вывернулся, освободился и, последовав примеру своего спутника, вспрыгнул на высокое дерево с гладким стволом, росшее поблизости. И вот, невзирая на серьезную рану, Хуан скачет под деревом, оглушительно лая, а Тэвильдо проклиная его, осыпая сверху злыми словами.

Тогда молвил Хуан:

— Эй, Тэвильдо, вот что скажет тебе Хуан, которого задумал ты поймать и убить, беззащитного, словно одну из тех жалких мышей, на которых привык охотиться, — можешь остаться навсегда на своем одиноком дереве и истечь кровью — или же спускайся вниз и отдавай еще раз моих зубов. Но если ни то ни другое не по душе тебе, тогда ответь мне, где Тинувиэль, Принцесса Фэери, и Бэрэн, сын Эгнора, ибо они — мои друзья. Пусть же они послужат твоим выкупом, — хотя это и означает оценить тебя много дороже, нежели ты заслуживаешь.

— Что до проклятой эльфийки, она, дрожа от страха, прячется вон там, в папоротниках, если слух мой не обманывает меня, — отвечал Тэвильдо, — а Бэрэна, сдается мне, изрядно исцарапал повар мой Миаулэ в кухнях замка за неуклюжесть его час тому назад.

— Пусть же отдадут их мне целыми и невредимыми, — потребовал Хуан, — а ты можешь вернуться в свои чертоги и зализывать раны — никто не причинит тебе вреда.

— Уж будь уверен, тан мой, тот, что здесь, со мною, приведет их к тебе, — откликнулся Тэвильдо, но Хуан зарычал:

— Ага, и приведет к тому же все твоё племя, и полчища орков, и все напасти Мэлько. Нет, я не так глуп, лучше ты дай Тинувиэль какой-либо знак, и она отправится за Бэрэном — или ты останешься здесь, если это тебе не по душе.

Тогда пришлось Тэвильдо сбросить вниз свой золотой ошейник — знак, с которым ни один кот не посмеет обойтись без должного почтения, но отвечал Хуан:

— Нет же, еще одно потребую я от тебя, ибо этот знак заставит весь народ твой всполошиться и отправиться на розыски своего повелителя.

Тэвильдо же именно на это и рассчитывал. Но в конце концов усталость, голод и страх взяли верх над гордыней кота, князя в услужении Мэлько, и он открыл тайну кошачьего рода и заклатья чар, доверенных ему Мэлько; то были волшебные слова, скрепляющие воедино камни его гнусного замка; при помощи этих чар Тэвильдо подчинял своей воле всех котов и кошек, наделяя

их злобным могуществом превыше того, что отпущено им изначально; ибо давно уже говорилось, что Тэвильдо — злобный фэй в образе зверя. Потому, едва Тэвильдо произнес слова заклятий, Хуан расхохотался так, что в лесах зазвенело эхо, ибо он знал, что владычеству котов настал конец.

И вот Тинувиэль с золотым ошейником Тэвильдо поспешила назад, к самой нижней террасе у врат, и, стоя там, звонким голосом произнесла слова заклятий. И тут же, глядь! — в воздухе раздался кошачий визг, замок Тэвильдо содрогнулся, и оттуда хлынули сонмища его обитателей, что уменьшились до крошечных размеров; и испугались они Тинувиэль; она же, размахивая ошейником Тэвильдо, обратилась к ним, свято веря в силу слов, названных Князем Котов Хуану в ее присутствии; и коты в страхе преклонились перед нею. И молвила она:

— Пусть приведут всех эльфов и детей человеческих, что заключены в этих чертогах, — и глядь! — привели Бэрэна; других же рабов там не было, кроме одного только Гимли, престарелого гнома; в рабстве ослеп он и согнулся его стан, но мир не знал слуха острее, чем у него, как поется во всех песнях. Гимли вышел, опираясь на палку, поддерживаемый Бэрэном; Бэрэн же, изможденный, одетый в лохмотья, в руке сжимал огромный нож, каковой схватил в кухне, опасаясь нового бедствия, едва содрогнулся замок и раздался кошачий визг. Когда же завидел он Тинувиэль, стоящую среди кошачьих полчищ, что отпрянули от нее в страхе, и заметил роскошный ошейник Тэвильдо, Бэрэн⁸, до крайности потрясенный, не знал, что и думать. Тинувиэль же обрадовалась и молвила:

— О Бэрэн из-за Холмов Горечи, не потанцуешь ли теперь со мною — только не здесь?

И она увела Бэрэна, и все коты подняли вой и визг; так что даже Хуан и Тэвильдо в лесу услышали их; но ни один зверь не посмел преследовать Тинувиэль и Бэрэна и не причинил им вреда, ибо котами овладел страх, а чары Мэлько оставили их.

Впрочем, котам пришлось об этом весьма пожалеть, когда Тэвильдо возвратился домой в сопровождении своего дрожащего спутника, ибо гнев Тэвильдо был ужасен: Князь Котов бил хвостом и наносил удары всем стоящим поблизости. Хоть это и покажется безрассудством, пес Хуан, когда Бэрэн и Тинувиэль вернулись в долину, позволил злобному Князю Котов уйти восвояси, не причинив ему вреда; однако пес надел себе на шею великолепный золотой ошейник, и это разозлило Тэвильдо сильнее, нежели все прочее, ибо великая волшебная сила и могущество заключены были в том украшении. Не слишком-то радовался Хуан, сохранив Тэвильдо жизнь, но отныне и впредь не опасался он котов, и все кошачье племя с тех самых пор при виде собак обращается в бегство, и все псы презирают котов с того самого дня, когда Тэвильдо подвергся унижению в лесах близ Ангаманди; Хуан же не свершал

подвига более великого. В самом деле, впоследствии, выслушав рассказ о происшедшем, Мэлько проклял Тэвильдо и его племя и изгнал их; с тех пор нет у них ни повелителя, ни хозяина, ни друга; и голоса их звучат как стон и визг, ибо в сердцах их — горечь одиночества, и тоска утраты, и лишь тьма царит там, и ни проблеска добра.

Однако в то время, о котором идет речь в нашем рассказе, более всего Тэвильдо жаждал захватить Бэрэна и Тинувиэль и убить Хуана, чтобы вновь обрести утраченные чары и волшебную силу, ибо великий страх испытывал кот перед Мэлько и не смел искать помощи своего господина и признаться в своем поражении и в том, что выдал секрет заклятий. Не подозревая о том, Хуан опасался этих мест и весьма страшился, что весть о происшедших событиях достигнет слуха Мэлько — а Мэлько узнавал почти обо всем, что случалось в мире; потому Тинувиэль и Бэрэн вместе с Хуаном ушли далеко прочь и весьма сдружились с ним, и, живя в лесу, Бэрэн вновь обрел силы, и забыл о рабстве, и Тинувиэль полюбила его.

Однако жизнь одинокая, суровая и дикая стала их уделом, ибо не видели они лица ни эльфа, ни человека, и Тинувиэль с течением времени сильно затосковала по матери своей Гвэндэлинг и нежным волшебным песням, что певала та своим детям, когда в лесной чаще у древних чертогов стужались сумерки. Нередко Тинувиэль мнилось, будто на светлых полянах⁹, где жили скитальцы, она слышит флейту своего брата Дайрона, и тяжело становилось у нее на сердце. Наконец, сказала она Бэрэну и Хуану:

— Я должна вернуться домой, — и душа Бэрэна омрачилась тоскою, ибо ему полюбилась жизнь в лесу среди псов (к тому времени многие другие присоединились к Хуану), но только чтобы Тинувиэль была рядом.

Однако же отвечал он:

— Никогда не смогу я возвратиться с тобою в земли Артанора, — не смогу я и после прийти повидаться с тобою, милая Тинувиэль, иначе как с Сильмарилем; но этого теперь не дано мне свершить, ибо разве не бежал я из чертогов Мэлько, разве не подвергаюсь самой жестокой опасности, если кто-либо из его прислужников выследит меня?

Так сказал Бэрэн, скорбя сердцем при мысли о разлуке с Тинувиэль: ее же душа разрывалась надвое: невыносимой казалась ей мысль о том, чтобы покинуть Бэрэна, но и вечно жить вот так, в изгнании, казалось невозможным. Потому долго молчала она, погруженная в печальные мысли, Бэрэн же, сидевший рядом, наконец, сказал:

— Тинувиэль, одно только остается нам — пойдем же добудем Сильмариль, — и тогда Тинувиэль обратилась к Хуану и просила его помощи и совета; пес выслушал ее весьма угрюмо и счел эту затею полным безрассудством. Однако, в конце концов, Тинувиэль выпросила у него шкуру Ойкэроя, убитого псом в поединке на поляне; Ойкэрой же был весьма могучим котом; и Хуан унес эту шкуру с собой в качестве трофея.